

Л/к А. Микоян

Место постройки - Николаев

Год постройки - 1941

Скорость в узл. - 12.5

Дизель - ?

Род двигателя ? Турбинный мотор

Род топлива - мазут

Вооружение : пушек - 7

пулеметов - 22

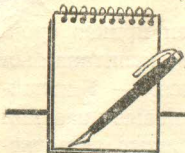
получил приказ: разоружить ледокол и выйти в Константинополь. Судну предстояло суровое заграничное плавание. Ледокол передавался Управлению Главсевморпути для проводки транспортов с оружием, боеприпасами, продовольствием.

Плавание длилось девять с лишним месяцев. Моряки на мирном ледоколе прорвались через Эгейское море мимо военноморских баз фашистов. За кормой остались Средиземное море, Суэцкий канал, воды Индийского океана, ревущие сороковые широты Атлантики, Магелланов пролив, наконец, Тихий океан. Ледокол прошел в заграничных водах около 25 000 миль.

Много раз советские моряки попадали в очень тяжелую обстановку и выходили из нее победителями, проявляя при этом высокое мастерство, мужество и отвагу.

В публикуемом очерке рассказывается о двух эпизодах, имевших место во время этого длительного и опасного плавания.

Ледокол «А. Микоян» стоял в затемненном Батумском порту. Капитан Сергеев пригласил в кают-компанию на экстренное совещание своего первого заместителя Новикова, парторга Барковского, второго помощника Фаворова, старшего механика Злотникова, второго механика Данаусова, третьего механика Хамидулина и судового врача Попкова.

Огненные мили

В 1941 году на судостроительном заводе в Николаеве был построен и спущен на воду линейный ледокол «А. Микоян». Начавшаяся война прервала швартовные испытания. Ледокол вооружили, и он стал выполнять функции вспомогательного крейсера. Командовал им опытный военный моряк капитан второго ранга Сергей Михайлович Сергеев. Личный состав корабля участвовал в обороне городов-героев Одессы и Севастополя.

В ноябре 1941 года капитан второго ранга С. М. Сергеев получил приказ: разоружить ледокол и выйти в Константинополь. Судну предстояло суровое заграничное плавание. Ледокол передавался Управлению Главсевморпути для проводки транспортов с оружием, боеприпасами, продовольствием.

Плавание длилось девять с лишним месяцев. Моряки на мирном ледоколе прорвались через Эгейское море мимо военно-морских баз фашистов. За кормой остались Средиземное море, Суэцкий канал, воды Индийского океана, ревущие сороковые широты Атлантики, Магелланов пролив, наконец, Тихий океан. Ледокол прошел в заграничных водах около 25 000 миль.

Много раз советские моряки попадали в очень тяжелую обстановку и выходили из нее победителями, проявляя при этом высокое мастерство, мужество и отвагу.

В публикуемом очерке рассказывается о двух эпизодах, имевших место во время этого длительного и опасного плавания.

Ледокол «А. Микоян» стоял в затемненном Батумском порту. Капитан Сергеев пригласил в кают-компанию на экстренное совещание своего первого заместителя Новикова, парторга Барковского, второго помощника Фаворова, старшего механика Злотникова, второго механика Данаусова, третьего механика Хамидулина и судового врача Попкова.

— Товарищи, — начал командир, — получен приказ срочно готовить корабль в дальнее плавание... — Голос капитана был тверд, только серые глаза стали как будто темнее. — Ближайший пункт назначения — Стамбул. Там получим новые указания от нашего военно-морского атташе. Идем без всякого вооружения...

Наступила пауза. Командиры судна, ставшего по военной необходимости вспомогательным крейсером, привыкли к самым различным заданиям. Они воевали под Одессой и Севастополем, вместе с боевыми кораблями Черноморского флота выходили на боевые задания. Скорость ледокола небольшая — двенадцать узлов. Хорошо видимый сверху, корабль был отличной целью. Однако Сергеев мастерски пользовался его маневренностью, и ледокол во время боев не получил ни одного прямого попадания и не потерял ни одного человека. А бывали отчаянные положения, когда море вокруг кипело от взрывов авиабомб и судно трясло так, что жаровые трубы котлов давали просадку.

Но вот теперь ставилась необычная задача.

— Будут ли нас сопровождать? — спросил Попков.

— До Босфора пойдет конвой — лидер и эскадренный миноносец. — Сергеев встал. — Двадцать четвертого ноября мы должны быть готовы к плаванью.

Моряки любили своего командира. Сергеев был для всех примером мужества. Все знали, что он добровольцем сражался в Испании, был награжден орденом Ленина.

...Работы шли полным ходом. 24 ноября 1941 года все было готово. Ночью корабль снялся с якоря и взял курс на Босфор. Вместе с ним из порта вышли два танкера — «Варлаам Ованесов» и «Жданов». Суда охранялись лидером «Ташкент» и эсминцем.

Днем шли спокойно, но к вечеру подул свежий норд-остовый ветер, который скоро превратился в одиннадцатибалльный шторм. Корабль то зарывался носом в воду, то переваливал через огромный вал, обнажая винты. С каждым часом ветер усиливался. Кромешная тьма поглотила танкеры и корабли охранения.

В Босфор ледокол входил в одиночку. Турецкий катер развел боновые заграждения, и советское судно беспрепятственно взяло курс на Стамбул. Город и порт поразили команду своей беспечной жизнью. Затемнения не было, из кафе и ресторанов неслись звуки джаза; по набережной разгуливала нарядно одетая публика. После пожара в Одессе и Севастополя все это казалось чем-то нереальным.

Вскоре на борт ледокола поднялся советский военноморской атташе. Сергей Михайлович ушел с ним в каюту и получил директиву — задание: скрытно от противника прорваться через Эгейское море и войти в один из средиземноморских восточных портов наших союзников. Дальнейшие указания получить через английское военноморское командование. В случае безвыходного положения корабль надлежало взорвать...

На пути следования, в районе островов Самос, Кос и Родос, находились итальянские миноносцы, торпедные катера, самолеты-торпедоносцы. Сергеева предупредили также, что противник догадывается о возможном прорыве советских судов в Средиземное море.

Когда Сергей Михайлович изложил задачу на совещании командного состава, было принято решение: для действий по тревоге экипаж разбить на две группы — затопления и сопротивления. Первая по команде с мостика должна взорвать и затопить корабль, вторая — оказать сопротивление противнику при его попытке подняться на борт ледокола.

Представители союзников и турецкие таможенники нанесли визиты вежливости Сергееву. Английский консул выразил свои мысли вслух:

— Ваши шансы на успех? Гм! Впрочем, попытайтесь. Желаю счастливого плавания.

Когда над рейдом опустилась ночь, судно снялось с якоря. Это произошло 29 ноября 1941 года.

* * *

...Отскрежетала в клюзе якорь-цепь. Струями воды смыли остатки ила и водорослей с огромного якоря. Ледокол медленно шел вдоль берега. На мостике находились Сергеев, Новиков, Холин, рулевой и сигнальщик. Ледокол вел турецкий лоцман, хорошо знавший узкий фарватер. Вскоре лоцман покинул судно. Пожав всем руки, он глянул на небо и тихо произнес:

— Да благословит вас аллах!

Сергеев перевел ручки телеграфа на «полный вперед». За одну ночь удалось миновать Мраморное море и выйти в Эгейское. Плавание совершалось скрытно. Днем, притушив котлы, чтобы не выдавать себя дымом из труб, останавливались, прижавшись к какому-нибудь острову, ночью следовали без ходовых огней с наглухо задраенными люками и переборками.

В одну из ночей ледокол находился вблизи острова Родос, блокированного итальянскими кораблями. Сергеев по трансляции объявил:

— Входим в район опасности. Быть наготове. Обеспечить все к немедленному затоплению судна.

Подобная мера была продиктована необходимостью. Фарватер у Родоса один, миновать его нельзя.

— Над нами прошел самолет, — объявил по трансляции старпом Холин.

Воздушный разведчик, конечно, донесет о судне — теперь жди гостей! А чем отбиваться?

Первым заметил приближающиеся черные точки матрос Александр Лебедев, который находился в наблюдательной бочке.

— Торпедные катера! — тревожно доложил он.

Сергеев поднес к глазам бинокль и тут же скомандовал:

— Боевая тревога!

По палубам гулко затопали десятки матросских ног. На мостик стали поступать доклады. На судне все замерло. Катера приближались. В мегафон с них запросили:

— Чей корабль?

Котельный механик Хамидулин по приказу Сергеева крикнул по-турецки:

— Судно следует в Смирну. Что вам надо?

В ответ с катера стеганула очередь из крупнокалиберного пулемета.

— Полный ход! — скомандовал Сергеев.

Состязаться ледоколу с торпедными катерами трудно. Те шли рядом, не отставая и не обгоняя. В мегафон настаивали:

— Следуйте в Родос под нашим конвоем!

Но ледокол продолжал идти полным ходом. Торпедные катера открыли огонь из малокалиберных пушек, пулеметов. Они били по мостику, надстройкам. Были ранены рулевой Рузаков, сигнальщик Полещук. Вспыхнули первые пожары. Рузаков все же поднялся и продолжал нести вахту на руле, пока его не сменил подбежавший матрос Молочинский.

Аварийная команда со шлангами, ведрами и огнетушителями бросилась тушить огонь. Они сбивали языки пламени мощными струями брандспойтов.

Более пятисот пробоин получил ледокол в палубных надстройках и дымовых трубах. Однако он не застопорил ход. Тогда фашисты решили употребить торпеды.

Сергеев умело отводил ледокол от удара, то и дело слышались его приказания: «Лево руля», «Право руля». Одна из торпед прошла, чуть не задев корму судна.

— Кажется, пронесло! — сказал кто-то.

Катера, израсходовав весь боезапас, ушли, но вскоре в небе появились самолеты. Они сбросили две торпеды на парашютах, от которых тоже удалось уклониться, затем начали обстрел из пушек.

Неожиданно на корабле вспыхнул катер с двумя тоннами бензина. Рядом оказался моторист Лебедев.

— Ко мне! — крикнул он.

Подоспевшие товарищи освободили катер от креплений, столкнули за борт, и он, охваченный пламенем, поплыл. Прилетевшая новая группа итальянских бомбардировщиков приняла катер за ледокол, сбросив на него остатки бомб. А в это время на полном ходу судно шло на остров Кипр, к английской военно-морской базе Фамагуста.

Фамагуста встретила советский ледокол неприветливо. С берега последовало распоряжение: бросить якорь за боками, не входя в порт. Сергеев потребовал немедленного разъяснения подобного приказа. В любой момент судно могло стать мишенью для неприятельских подводных лодок.

На борт прибыл английский офицер. Увидев многочисленные пробоины в надстройках, сочувственно улыбнулся, потом сообщил, что кораблю надлежит немедленно сняться с якоря и под конвоем корвета следовать в Бейрут.

Через несколько часов Фамагуста растаяла в туманной дымке.

До Бейрута дошли относительно спокойно. Но и в этом порту не удалось остановиться. Посыльное судно передало на борт «А. Микояна» новый приказ:

— Продолжать движение на Хайфу!

Сергеев знал, что этот порт подвергается частым налетам итальянской авиации, которая сбрасывала магнитные и акустические мины. Но ледоколу требовался ремонт. В котлах текли трубки, надо было сделать кое-какую переборку механизмов.

Вот и Хайфа. Вошли беспрепятственно и стали на якорь. После некоторых формальностей приступили к ремонту. Однако на второй день портовые власти в Хайфе приказали Сергееву переменить место стоянки. Тотчас же на место советского судна стал английский танкер... За семнадцать суток корабль переставляли шесть раз!

— Не кажется ли вам, Сергей Михайлович, — сказал Сергееву парторг Барковский, — что они на нас проверяют: нет ли магнитных мин в разных местах акватории порта?

— Да, я уже думал об этом...

Ремонт котлов подходил к концу. 20 декабря 1941 года местные власти разрешили выйти из Хайфы. Сергеев объявил об этом команде. У себя в каюте он устало опустился на диван, не раздеваясь, прилег и только было задремал, как услышал какой-то грохот, затем ощутил сильный удар, потрясший судно.

Сон мгновенно пропал. Вахтенные тревожно забили в колокол: пожар!

Сергеев выбежал из каюты. Вслед за ним на мостике появились Новиков, Барковский, Холин. Все они смотрели в направлении правого борта. Там, на расстоянии двадцати метров от ледокола, из середины английского танкера вырывалось пламя и клубы бурого густого дыма. Как выяснилось впоследствии, судно подорвалось на магнитной мине. За первым взрывом последовал второй, танкер раскололся на две части, и тысячи тонн нефти и мазута хлынули из его трюмов.

Огонь перекинулся на соседние корабли, брекватер, на котором была расположена зенитная батарея, добрался и до ледокола. В порту началась паника. Команды многочисленных торговых судов разбежались. Командование портом настолько растерялось, что забыло принять необходимые меры к спасению людей и судов.

Сергеев сумел отвести свой корабль. Экипажу удалось сбить языки пламени мощными струями гидропульта. В горячей воде происходило что-то невообразимое: плавали люди, молили о помощи. Огонь настигал их, догонял вельботы и спасательные плоты, добрался даже до берега. На брекватере метались английские солдаты-зенитчики, но путь к спасению им был отрезан.

Сергей Михайлович нашел выход из создавшегося положения. Он решил использовать портовые буксиры, стоявшие под парами, для спасения людей.

— Друзья! — крикнул он. — Кто добровольцами пойдет на буксиры?

Все, кто услышал его призыв, изъявили готовность.

— Холин, Барковский, — скомандовал Сергеев, — отсчитать с правого фланга двадцать человек. Действуйте!

Буксир под командованием парторга направился к брекватеру, Холина — к охваченному огнем английскому танкеру.

Паника в порту продолжалась. Горящая нефть охватила половину акватории порта. Пошло ко дну норвежское судно. Вот загорелся еще транспорт.

Холин на буксире подошел к одному из горящих танкеров.
— На судно! — приказал он.

Первым взобрался по штурмтрапу на танкер матрос Петр Симонов. Пламя и густой дым вырывались из жилых помещений. Сохранить судно не было возможности. Холин приказал спускать на буксир людей. Он руководил спасением моряков танкера спокойно, без суеты. Неожиданно где-то раздался отчаянный вопль. И сразу же в ту сторону метнулся Петр Симонов. Через минуту советский моряк появился с человеком, лицо которого напоминало обугленную маску.

— Всем на буксир! — скомандовал Холин, и переполненный людьми катерок пошел в сторону берега.

Буксир под командой Барковского принимал солдат с брекватера. Пламя упорно распространялось, подбираясь к ящикам с боезапасом. Один из них загорелся.

К парторгу подбежал Александр Лебедев.

— Разрешите? — крикнул он и устремился в огонь. Тяжелые ящики полетели в море.

...Только на третьи сутки удалось ликвидировать пожар. За это время экипаж советского ледокола сумел спасти команды двух английских танкеров, снял с брекватера солдат зенитной батареи, оказал помощь другим пострадавшим судам.

Перед выходом из порта к Сергею Михайловичу Сергееву прибыл нарочный. Он вручил письмо английского адмирала, благодарившего личный состав советского ледокола за мужественное поведение и морскую лихость при спасении английских солдат и моряков иностранных судов.

Нарочный передал также Сергееву итальянскую газету. В ней официально сообщалось о «потоплении большого советского военного корабля «А. Микоян». И как доказательство в газете были опубликованы снимки спасательных поясов с ледокола и столб бурого дыма.

— Так это же горит наш катер у острова Родос! — воскликнул Новиков. — Мы сами выбросили его в море...

Через два часа ледокол «А. Микоян» покинул Хайфу и взял курс на Порт-Саид.

В. ЖУРАВЛЕВ.
Капитан 2 ранга запаса.